

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном

О. Н. АСТАФЬЕВА

(РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ)*

В статье проводится мысль о том, что в условиях транснационализации культурного пространства устранение государства из сферы культурной политики недопустимо. Это обусловлено тем, что только такой субъект управления, как государство, способен снизить социокультурные риски и угрозы, возникающие на ранних этапах транснационализации.

Ключевые слова: транснационализация, культурное пространство, межконфессиональные конфликты.

State Cultural Policy: Questions on Really Existing and Potentially Possible

O. N. ASTAFIYEVA

(RUSSIAN ACADEMY OF STATE SERVICE UNDER THE PRESIDENT OF THE RF)

Abstract: In the article the author produces an idea that under the conditions of transnationalization of cultural space removal of state from the sphere of culture policy is inadmissible. This is due to the fact that only such subject of government as state is able to diminish social and cultural risks and threats, which appear during the early stages of transnationalization.

Keywords: transnationalization, cultural space, interdenominational conflicts.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Обсуждение стратегий и моделей культурной политики не может идти вне понимания сложности контекста происходящих социокультурных изменений. На наш

взгляд, в настоящее время его формируют расширяющиеся глобализационные тенденции, а также процессы информатизации и виртуализации, связанные с интенсивно развивающимися информационно-коммуникативными системами.

---

* Астафьева Ольга Николаевна — заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций по научной работе Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, профессор. Тел.: (495) 436-98-27, 436-05-26, 436-94-28. Эл. адрес: onastafieva@mail.ru

Статья подготовлена в рамках российско-украинского проекта «Постнеклассические практики в меняющемся мире» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 08-03-91309аУ).

Какова же специфика этих социокультурных процессов с точки зрения государства как субъекта культурной политики, участвующего в их регулировании? Как это влияет на культуры разных народов, сказывается на образах и стилях жизни, образцах поведения человека, социокультурных практиках?

Если культура выполняет в обществе множество социально значимых функций, одна из которых — осмысление действительности, то обеспечивает ли людей системой смыслов для ориентации в быстро изменяющемся мире современная культура? Возможно ли сегодня человеку, включенному в динамику и ритмы социокультурных изменений, найти ценностно-смысловые основания для выбора модели самореализации в мире, определяемом концептами «полнотелость» и «сверхсложность», т. е. в «мультикультуральном» мире, где «образцы разных национальных культур органично перемешиваются в повседневном быту и постепенно начинают восприниматься как наши», где «человек подсознательно проявляет равное уважение и доверие ко всем национальным культурам, опредмеченные тексты которых он принимает в свой оборот»? (Флиер, 2008: 23, 25)

Подобные вопросы не случайны. Столь сложного совмещения традиционного и новаторского, такой плюрализации — сосуществования в едином пространстве/времени разнообразных норм и ценностей, артефактов, образцов отношений, стилей и образов жизни — человечество в своей истории еще не знало. Это позволяет предположить, что общие характеристики современной культуры отражают лишь «часть айсберга», не вмещающаяся в узкие рамки даже такого широкого понятия, как «постмодернистский эклектизм» (культура — хранилище или свалка?!). В реальности оно обнаруживает лишь внешнюю «оболочку» культуры, не раскрывая и малой части внутренних процессов саморазвития культуры.

Ну что же, у каждой эпохи/цивилизации собственные основания для расширения пространства культуры. Основными направ-

лениями развития современного глобализационного этапа выступают интенсификация межкультурных коммуникаций, информатизация, виртуализация и медиатизация среды, а основными характеристиками становятся не только стандартизация и унификация, но одновременно многообразие и множественность, вокруг которых и есть смысл разворачивать научно-теоретические и научно-практические дискуссии о настоящем (реально существующем) и будущем (потенциально возможном) культуры. Таким образом, информационно-коммуникативный фактор стал одним из центральных в понимании сущности современной культуры, а постоянно обновляющаяся в результате интенсивного освоения людьми новых средств связи и коммуникационных технологий социокультурная среда — адекватной процессам «уплотнения» и «сжатия» мира.

Прошедшие за три последних десятилетия внутренние ценностно-смысловые трансформации в культуре, а также внешние перемены, связанные с динамикой социокультурных изменений, расширением условий взаимодействия культур, возникновением новых культурных форм, свидетельствуют о качественных изменениях принципов создания, фиксации, распространения культуры и культурного опыта. Это не могло не сказаться на внедрении инновационных моделей в систему управления сферой культуры, что в свою очередь привело к отказу от зачастую «примитивной рациональности» операционально-управленческих решений и *переходу к стратегическому управлению*, широкому применению проектно-программного подхода, сценариев развития сферы культуры на среднесрочную и многолетнюю перспективу.

В условиях интенсивного развития информационной инфраструктуры и расширения институтов коммуникации, обеспечивающих динамику и плотность культурных потоков в глобализирующемся мире, при не менее очевидной стихийной самоорганизации информационно-коммуникативного пространства *по-новому оценивается роль*

государства как субъекта управления, осознается необходимость разработки инновационных концепций культурной и информационной политики, которую проводят правительства устоявшихся либерально-демократических национальных государств (Хэлд, Гольдблат, Макгрю, Перратон, 2004: 435).

Противоречивость и сложность интеграционных тенденций в современном мире наглядно проявляются в *транснационализации* культурного пространства. С одной стороны, глобализация способствует созданию человечеством новой цивилизационной общности: свободное перемещение людей по планете, миграция не только рабочей силы, но и носителей «культурных ценностей» усиливают взаимосвязь и взаимозависимость мира. С другой стороны, признание единства человечества происходит при полном или частичном отказе национальных государств от протекционистских мер, защиты своих культурных традиций и культурных ценностей. В этой ситуации «либо — либо» проблема формирования стратегических целей культурной политики формулируется иначе, чем два-три десятилетия назад.

Возможно ли найти такие механизмы регулирования социокультурных процессов, которые бы, не снижая потенциал культуры к самоорганизации, способствовали созданию условий, адекватных современному развитию цивилизации?

Насколько современное государство способно найти оптимальное решение этой сверхсложной задачи социального управления? И сохраняется ли «пространство свободы» в культурном поле личности в условиях транснационализации культурного пространства?

Один из возможных вариантов ответа на подобные вопросы был сформулирован еще в первой трети XX века известным американским лингвистом и культурологом Э. Сепиром, отмечавшим нарастание «сложности» в мире культуры. Он подчеркивал, что культура с все большей настойчивостью тяготеет к относительно малым социальным и поли-

тическим образованиям, которые не поглощают человеческую индивидуальность, вне которой культура не может существовать. По словам Э. Сепира (Сепир, 2001: 491), движение в этом направлении приведет к полному устранению государства от решений вопросов культуры. «Угодив между интеграцией экономических и политических сил, ведущей к некоему мировому суверенитету, и дезинтеграцией наших нынешних громоздких культурных единиц в малые единицы, жизнь которых исполнена подлинной животворящей силы и индивидуальности, идол современного государства, с его неограниченным суверенитетом, в туманном будущем исчезнет прочь». Конечно, ученый исходил прежде всего из того, что государства слишком велики, чтобы обеспечить безопасность каждому человеку, но также велики и для плодотворного обогащения сферы отдаленных целей, для культуры. Но можно ли согласиться с такой позицией как безоговорочно правильной и единственно верной, применительно к современным условиям?

В определенной степени Э. Сепир прав, ибо его утверждения основаны на признании свободы творчества и самовыражения каждого человека в культуре. Однако обратим внимание на то, что *государство несет ответственность не только за возможности реализации каждым человеком прав в культуре*, но и берет на себя *обязательства формирования культурного пространства*. Именно поэтому проведение определенной культурной политики и совершенствование механизмов ее реализации во многом зависит от ориентиров, задаваемых государством как субъектом культурной политики, от выбора им ролевой модели. Концепции и модели культурной политики не закреплены раз и навсегда, они весьма подвижны, хотя «собственно государство конституируется под «бесконечную», то есть самовоспроизводящуюся программу, как бы гарантируя тем самым бесконечную («до скончания времен») жизнь государственно оформленному обществу» (Никитаев, 2004: 98–99). Это не мешает государству как «социальному ин-

ституту больших проектов» использовать различные механизмы для реализации определенной программы, выступая по отношению к культуре, скажем, в роли «архитектора», «инженера» и т. д. Однако, когда культурная политика осуществляется в подобных «руководящих» моделях, государство организует и контролирует все этапы культурных процессов, его собственностью становятся все учреждения культуры, а решения о распределении ресурсов принимаются политическими властями. Такая модель неприемлема для демократических обществ. Но государство может выстраивать свою культурную политику по иным моделям — «мецената», «помощника», наконец, «менеджера» (Маршалл, 2004: 70–71), что позволяет создавать условия для инициирования самоорганизационных процессов в культуре и обществе.

Таким образом, проблемы культурной политики — это проблемы государственного и общественного статуса культуры, и даже те, кто говорят о ее слабости или вовсе отсутствии в современной России, глубоко заблуждаются. Ошибочность подобных утверждений коренится в имеющихся в обществе широких расхождениях между представлениями людей о самоценности культуры как таковой, о роли и возможностях культуры как фактора, ускоряющего социальные преобразования.

Как показывает наша собственная история и мировой опыт, обращение к ресурсам культуры выступает объективно необходимым условием развития демократического государства. Выработка приоритетов и целей культурной политики, согласование интересов множества ее субъектов, которые включены в культурную жизнь страны и имеют различные инструменты воздействия на нее, — задача не простая. Согласование не только с идеологией, длительное время детерминировавшей социокультурные процессы и потому сегодня вообще отрицаемой, но и с внешней политикой, с экономикой и т. д. В число факторов, воздействующих на процессы саморазвития

культуры в разные периоды ее развития, входят талант и творчество деятелей культуры, власть и деньги бизнеса, интересы и потребности населения.

Каковы же функции государства как субъекта культурной политики? В условиях становящегося гражданского общества изменение роли государства связывается не столько с отказом от ряда функций, но, прежде всего, с их корректировкой по отношению к деятельности других субъектов. Демократизация не предполагает устранения государства от организационно-управленческой функции координатора социокультурных процессов. Участвуя в формировании пространства культурно-идеологического взаимодействия, государство посредством механизмов управления обеспечивает условия для коммуникации разных субъектов, выдвигающих альтернативные ценности, идеи, концепции. Такое пространство может быть основано только на принципе согласования частных интересов (выраженных через интересы множества индивидов и социальных групп) с общенациональными интересами.

Заключая эту мысль, подчеркнем, что удержание государства из сферы культурной политики недопустимо, особенно в условиях транснационализации культурного пространства. Процессы транснационализации имеют свои позитивные и негативные стороны, но на ранних этапах они провоцируют обострение межцивилизационных, этнокультурных, межконфессиональных конфликтов, что приводит к открытым столкновениям. Поэтому только такой субъект управления, как государство, более всех заинтересованный в сохранении целостности страны и суверенитета, способен снизить социокультурные риски и угрозы.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

В контексте глобализации ориентация России на открытость, активное включение в мировой интеграционный процесс способствует расширению миграционных тенден-

ций, усложнению ее внутренней и внешней политики. При этом за очевидными выгодами мобильности проступает множество новых противоречий. Транснационализация социокультурного пространства, прежде всего экономики и финансов, порождает недемократичность асимметрии, скрывающейся за «гибкостью рыночной силы». Среди прочих составляющих для одних она означает *свободу беспрепятственно срываться с места*, «завидев новые тучные пастбища, предоставляя местным, оставленным позади, уборку своей последней стоянки от мусора и отбросов, а главное — возможность игнорировать любые соображения, кроме «экономической целесообразности», а для других — *ограничение свободы выбора* возможностью «согласиться или отказаться» в условиях быстро меняющихся правил игры при найме/увольнении (Бауман, 2004: 146–149). Как правило, *согласиться на любые условия*, чтобы затем, приложив массу усилий, постараться растянуть до бесконечности свое пребывание в новой стране, перевести семью, осесть на ее территории. И только некоторое время спустя реально оценить все последствия и перспективы смены образа жизни для себя и своих близких. Добавим, недемократичности образа жизни, который навязывается населению многих стран мира.

Итак, мировой рынок труда порождает новые проблемы. Втягивая массы людей в миграционные потоки, он обеспечивает им свободу выбора для решения, прежде всего, экономических проблем, но оставляет открытым *вопрос об ответственности за их полноценное существование*, включающее *всю палитру социокультурных возможностей*, реализация которых позволяет сохранить личность — не превратить человека исключительно в «трудовой ресурс».

Соответствует ли подобное понимание свободы вне ответственности демократическим идеям? Влияют ли миграционные процессы на социальную напряженность? Возможно ли избежать проявления этнокультурных конфликтов в современном мире?

Сложность и дискуссионность этих социокультурных проблем очевидна даже для тех стран (Испания, Франция, Канада, Великобритания и др.), где, казалось бы, уже достигнуто общественное согласие относительно необходимости решать проблемы этнонационального взаимодействия *ненасильственным путем через демократические институты*, обеспечивающие возможность свободного волеизъявления народов (Дробужева, 1996: 49). На практике равные права индивидов-граждан (условие демократического государства) и свобода выбора культуры и национальности, а значит, стиля и образа жизни, языка, норм поведения и общения могут не совпадать. Из факта приобретения человеком гражданства по праву рождения и присоединения к гражданской общности еще не следует, что человек становится носителем национальной культуры этой страны. Наиболее очевидно это в тех случаях, когда гражданство получает мигрант, прошедший социализацию и инкультурацию в иной культуре. Возникает вопрос: всегда ли иммигрант готов, если не полностью разделить ценности и идеалы национальной культуры той страны, гражданином которой он становится, то хотя бы признать их равными ценностям своей культуры?

Позитивный ответ возможен, на наш взгляд, при условии, что обе стороны будут искать не различия в культурах своих общностей, но *черты сходства*, близость понимания и оценки происходящего. Когда принимающим государством будет достигнута высокая степень «демократичности», а зрелость гражданского общества позволит поддерживать политическое и культурное разнообразие, не устраняя при этом противоречий, но *поощряя совместное существование* на основе равных прав, обязанностей и ответственности за целостность государства. Культурное разнообразие становится ядром современной демократической идеологии, утверждая равноправие культурных ценностей посредством распространения толерантности как принципа и основы для современного существования.

Однако, как показывает практика распространения идей мультикультурализма в разных странах, демократия не выступает гарантией единства многообразия. По верному замечанию П. С. Гуревича, «демократия эффективна только в том случае, когда достигнут определенный уровень цивилизованности», иначе не избежать охлократии, ибо «никакое политическое устройство не может быть идеальным, если оно воспринимается как окончательное и моя собственная свобода имеет некие пределы» (Гуревич, 2006: 127). Из этого следует вывод, что подлинная свобода и демократия достигаются в государствах, учитывающих интересы всех граждан — и тех, кто принимает иммигрантов, и тех, кто хочет жить и работать в новой стране; в государствах, стремящихся к достижению компромисса, снимающих конфликты.

При таком подходе возникают предпосылки для формирования «коммуникативной власти», благодаря которой и возможно создание условий для свободного выражения мнения всех сторон в пространстве социокультурного полилога (Астафьева, 2006: 6–18). Собственно говоря, в определенном смысле концепция «агонистического плюрализма» как инструмент демократической политики, позволяющей поддерживать соперничество и полемику посредством различных институтов (Муфф, 2004), сближается с концепцией культурного плюрализма, восприимчивой к многообразию голосов разных идей и ценностей.

Обращение к культурным механизмам социального взаимодействия, действие которых значительно возрастает в условиях расширения пространства демократических ценностей, формирует прочный фундамент для построения гражданского общества в России. Гражданского общества — как результата развитой демократии.

Обозначенная методологическая установка предполагает изменение концепции государственной культурной политики, которая становится основой гибкой стратегии по отношению к въезжающим в страну лю-

дям. Переход от ориентации населения на признание экономической эффективности миграционных потоков (такая рыночная модель дает «сбои» в Западной Европе, Японии) на формирование позитивного общественного мнения относительно привлечения в страну людей, не только решающих свои собственные задачи, но и способствующих улучшению социальной ситуации в России, как показывает мировой опыт, снижает уровень *социокультурного напряжения и мигрантофобии*. Проявление мигрантофобии — результат отсутствия в России не только позитивного информационно-ценностного дискурса, но и четкой социальной и культурной политики в отношении иммигрантов в течение последних 10–15 лет, когда это явление носило откровенно стихийный характер, прежде всего по причине слабости правовых механизмов. В настоящее время неопределенность стратегии государства в комплексном решении проблем иммигрантов преодолена лишь частично. Не только у иммигрантов, но и у коренного населения нашей страны необходимо формировать социально-психологическое пространство «взаимной заинтересованности» друг в друге.

Возможности достижения *согласованности интересов личности, общества и государства* в условиях становления демократии — это сложный поиск компромисса между стремлением личности к собственному самовыражению, к поддержанию культурной самобытности и рациональными механизмами управления. Решение этой проблемы во всех случаях дается нелегко, зачастую приводит к деструкциям и разрушению личности. Смягчение процесса адаптации к новой социокультурной среде имеет принципиальное значение для социокультурной стабильности, ибо иммиграция — это *перемещение людей*, обладающих различными ценностями культуры, нормами и стилями жизни, образцами поведения и моделями общения.

Разрыв системы сложившихся связей, включение в новую среду, необходимость в ряде случаев смены профессиональной специализации порождают множество *соци-*

ально-психологических проблем. С одной стороны, они решаются за счет обретения мигрантами необходимых гражданских — политических и социальных — прав. С другой стороны, нельзя забывать, что мигранты первого поколения социализируются в «другой» культуре. Поэтому если принадлежность человека к конкретному государству, по мнению многих специалистов, в современном мире теряет свою актуальность (Дмитриев, 2004: 18), то принадлежность к той или иной культуре по-прежнему определяет способность и формы адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям. К примеру, 57% французов, родившихся за границей, заявляют о своем иностранном происхождении. Эту группу респондентов составляют в основном уроженцы Алжира, Туниса и Марокко. В то же время, по мнению французских социологов, главным критерием динамики интеграционных процессов в обществе по-прежнему являются не объективные показатели, такие как место рождения или страна гражданской принадлежности, а «*декларируемое чувство привязанности*» к той или иной местности, т. е. региональная идентичность (Герен-Пас, 2004: 67). Заметим, этот фактор практически не влияет на динамику миграционных процессов последних десятилетий, но свидетельствует о высокой степени территориальной мобильности современного человека.

В свою очередь, *мобильность трансформирует отношение человека к пространству*, которое для него меняет свой категориальный статус. Все люди сегодня делятся на туристов и бродяг, перемещающихся в пространствах, утверждает З. Бауман (Бауман, 2004: 128–145). Близкого мнения придерживаются также французские исследователи. Они говорят: «...пространственные связи варьируют от предельно локализованных до более общих. Для менее мобильного населения, например, важным является понятие соседства, оно соотносит себя с определенной местностью — кварталом, регионом (административным или нет). Напротив, для людей, отличающихся высокой мобильнос-

тью, место как таковое оказывается не столь существенным» (Герен-Пас, Виль, 2004: 62).

Таким образом, *в контексте современных социокультурных процессов, в первую очередь глобализации, тенденция к унификации вызывает противодействие* — «отстранение от глобальных свобод оборачивается укреплением «местного фактора» (Бауман, 2004: 179), результатом которого является интенсификация идентичности локальной и региональной.

Самоидентификация личности иммигранта почти всегда включает наряду с его жизненной историей, объясняющей мотивы миграции, воспоминания и ассоциации, связанные с местностью прежнего проживания, ощущения принадлежности к группе, родной язык как разговорный, обеспечивающий в культуре повседневности привычный стиль. Может ли что-либо примирить острое желание сохранить этнокультурную самобытность со стремлением вписаться в коды другой культуры, научиться понимать ее смыслы и разделять ее ценности?

Сложная модель региональной (территориальной) идентичности, в которой отчетливо сохраняются несколько подуровней, более всего соответствует стратегии интеграции. Для внутренней иммиграции процесс самоидентификации основывается на следующих критериях: житель города или села; житель столицы или провинции (центра или периферии); житель определенной местности (географический критерий — Север, Сибирь, Кавказ, Дальний Восток и т. д.). Для внешней иммиграции важен комплекс иных критериев, включающий и этнокультурную идентичность, и пространственно-территориальную, т. е. региональную идентичность. Вопрос «Откуда приехал?» уравнивается по степени важности с вопросами «Куда переехал жить?» и «Кем стал?». В ответе на последний из вопросов ожидания касаются определения своей новой территориальной принадлежности (в обыденной культуре заметно, к примеру, тонкое различие: «выходец из Кавказа, проживающий на территории России» или «азербайджанец из

Москвы»). То есть обретение новой региональной (территориальной) идентичности, не предполагающей отказа от этнокультурной идентичности, является важным фактом его личной жизненной истории, позволяющей ему быстрее адаптироваться в новом сообществе. При таком понимании региональной идентичности вопросы этнокультурных различий уходят на второй план, возрастает позитивный пространственно-географический (территориальный) интеграционный потенциал региональной идентичности. Обретаемая региональная идентичность допускает «сосуществование» других форм идентичности — по вероисповеданию, полу, профессии, интересам и др.

Наблюдения показывают, что формирование региональной идентичности не противоречит стратегическим направлениям государственной культурной политики, нацеленной на формирование единого социокультурного пространства, единого в своей целостности, которая внутренне сложна. Из практики зарубежных стран видно, что даже в незначительных масштабах миграция способна за короткий срок трансформировать социокультурную ситуацию, в силу чего каждое государство выбирает определенную *стратегию иммиграционной политики*. Это может быть политика ассимиляции, которая предполагает, что иммигранты в перспективе должны иметь возможность войти в состав постоянного населения, либо *возвратная политика*, которая сдерживает иммиграцию, поскольку иностранная рабочая сила принимается на определенный срок (Аверин, 2006: 58).

Вполне очевидно, что в основе данной типологии лежат прежде всего социально-экономические критерии, которыми определяется стратегия государства, соответственно объемы и формы социальной защиты. Однако в меньшей степени и одна, и другая модель способна удовлетворить культурные потребности и интересы мигрантов. В отличие от политики, ориентированной на социокультурную интеграцию, их практическая реализация, с одной стороны, выстраивает «систе-

му социокультурных ожиданий», которые оправдаются не только при условии выполнения мигрантами определенных правил, но и при создании необходимых для этого условий. С другой стороны, приводит к обострению противоречий, усиливая маргинализацию групп мигрантов, нивелируя систему ценностей, ослабляя их культурные корни.

Дело в том, что ассимиляция, прежде всего социальная и культурная, на определенных этапах, способствуя адаптации иммигрантов к новой жизненной ситуации, дает импульс росту национализма. Столь же неэффективны (в том числе и с точки зрения экономики) сегрегационные процессы, лишаящие социум и культуру источников изменения, внутренней динамики. Поэтому в настоящее время в традиционно «мигрантских» странах чаще всего говорят о *политике интеграции*, открывающей пространство социальных коммуникаций и культурного взаимодействия для представителей разных культурных практик и традиций, религий и верований, что в большей степени соответствует *модели мультикультурализма*. При этом политика «многокультурности» трактуется широко и не ограничивается политикой культурной интеграции новых иммигрантов в общество, предполагая развитие уже сложившегося в традиционно многонациональных государствах наследия (включая культурное наследие, экономические и политические традиции и т. д.). Для иммигрантов это открывает широкие возможности для самореализации.

При «возвратной иммиграционной политике», напротив, человек рассматривается прежде всего как трудовой ресурс: как правило, временные мигранты используются на неквалифицированных работах, где ротация не наносит ощутимого ущерба трудовому процессу. Государство не берет на себя каких-либо обязательств по отношению к тем иммигрантам, в которых менее всего заинтересовано. Более того, вкладывает разного рода средства в культурные факторы лишь при условии их реального влияния на экономическую эффективность.

Однако «удобное» для сегодняшней ситуации привлечение мигрантов к определенным видам трудовой деятельности в дальнейшем приведет к еще большему расслоению на «своих» и «чужих»; закреплению по отношению к иммигрантам определенной статусно-ролевой и культурной ниши и, как показывает опыт развитых стран, станет основой дискриминационной политики. Более того, в условиях, когда формирующаяся конкурентная среда еще не стала рыночной по существу, когда в одном из основных критериев отбора — совокупный параметр: высокая квалификация плюс высокая заработная плата — по-прежнему допускаются разного рода отклонения, интенсификация иммиграционных потоков в различные города России из соседних государств, «нелегалов» из ближнего и дальнего зарубежья будет оставаться источником социокультурной напряженности. Подобная стратегия создает почву для распространения представителями некоторых из политических партий антииммигрантской идеологии. Если не решать социальных проблем иммигрантов, не предоставлять их детям возможности получения образования, то процессы маргинализации и криминализации неминуемо приведут к снижению общего культурного уровня всего населения.

Усиление правового контроля за этими процессами не может решаться только путем закрепления гражданских прав относительно их передвижения, но и должно включать экономическую, социальную и культурные составляющие. Культурная политика так федерального, так и регионального уровня, а особенно — культурные решения локального (местного) звена требуют поддержки со стороны институтов гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверин, А. Н. (2006) Миграция населения. М. : РАГС.
Астафьева, О. Н. (2006) Полилог в условиях транснационализации культурного прост-

ранства глобализирующегося мира // Теория и практика культуры : альманах. Вып. 4. М. : РАГС.

Бауман, З. (2004) Глобализация: последствия для человека и общества : пер с англ. М. : Весь мир.

Герен-Пас, Ф. (2004) Откуда Мы? О географическом происхождении Франции // Этнопанорама. № 2.

Герен-Пас, Ф., Виль, И. (2004) Изучение процесса формирования идентичностей помогает понять интеграционные механизмы. Интервью с Е. Филипповой // Этнопанорама. № 2.

Гуревич, П. С. (2006) Меняются ценности — меняется эпоха // Вестник аналитики. № 4 (26).

Дмитриев, А. В. (2004) Конфликтогенность миграции: глобальный аспект // Наука в XXI веке. Вып. 2 : Проблемы развития современной России. М. : Современный гуманитарный университет.

Дробижева, Л. М. (1996) Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатов. М.

Маршалл, М. (2004) Международные модели и тенденции финансирования культуры // Государственная служба за рубежом. Вып. 5 : Управление в сфере культуры. М. : РАГС.

Муфф, Ш. (2004) К агонистической модели демократии // Логос. № 2 (42).

Никитаев, В. (2004) Повестка дня для России: власть, политика, демократия // Логос. № 2 (42).

Сепир, Э. (2001) Культура подлинная и мнимая // Сепир Э. Избр. тр. по языкознанию и культурологии : пер. с англ. 2-е изд. М. : Прогресс.

Флиер, А. Я. (2008). Мультикультуральность // Обсерватория культуры. № 2.

Хэлд, Д., Гольдблат, Д., Макгрю, Э., Перратон, Дж. (2004). Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М.

(Продолжение следует)